– Ах ты... ох ты, черт! – простонал адвокат Семен Маркович Безакцизный, массируя поясничную область. – Чтоб тебя разорвало!

Так он отреагировал на неожиданную тянущую боль в левой почке. Наверняка – расплата за вчерашний ужин с клиентом в ресторации: переборщил с острыми закусками. При этом кому из них – почке или клиенту – адресовано это садистское пожелание, было неясно. Поднявшись с дивана, он мелкими шажками, словно опасаясь что-то расплескать, просеменил в туалет.

– М-м, сатана! – раздался новый раздраженно-плаксивый возглас из-за туалетной двери. А через полминуты снова с болезненным шипением: – С-с-сатана!

Находился он там достаточно долго, когда же, наконец, вышел, то имел вид задумчивый, почти мечтательный. Но уже в ванной Семен Маркович вновь схватился за поясницу.

– Ферт, ферт, тьяфол! чтоп фас фсех!.. – с чувством заявил он, яростно плюясь зубной пастой.

Завершив утренний моцион, он, согнувшись в эдаком полупоклоне и бережно придерживая себя за поясницу, пошаркал в гостиную, намереваясь лечь на диван и включить телевизор. Хотя и рано, а заснуть уже все равно не удастся.

Однако стоило Семену Марковичу переступить порог комнаты, он так и застыл с открытым ртом. И было от чего.

На его любимом кожаном диване, без церемоний закинув обутые ноги на журнальный столик, сидел один из его недавних клиентов – частный предприниматель Иван Карлович Тойфель – и невозмутимо раскуривал сигару, причем не «Боливар», которые Семен Маркович держал специально для гостей, а припасенную им исключительно для себя «Кабаньяс». Одет Иван Карлович был в черный костюм строгого покроя, контрастировавший с крайней бледностью его лица; на голову себе он нахлобучил вельветовую шляпу, совершенно не шедшую к остальному облачению.

– Иван Карлович?! Вы тут как?! Зачем вы тут?!

– Приглашен, – коротко отвечал г-н Тойфель, невозмутимо попыхивая сигарой; при этом дым шел у него отчего-то не изо рта или носа, а выбивался откуда-то из-под шляпы.

– То есть как приглашен? Когда... куда... то есть кем?

– Ну вот, – пожал Иван Карлович плечами, – сам пригласил, а теперь манкирует. Нехорошо-с!

– Сам? Я? П-позвольте... – еще больше растерялся Семен Маркович, – это когда же? Вчера разве? Или раньше... я абсолютно не помню, чтобы я вас... да нет, я совершенно уверен, что вас я...

– Не вчера и не раньше, а только что.

– Х-хы... – Семен Маркович недоверчиво дернул головой. – Я? Только что? Как это? Чертовщина какая-то!

– Именно, – кивнул Тойфель, выпуская из-под шляпы целое облако сизого дыма, – именно чертовщина.

– Позвольте! – спохватился вдруг Семен Маркович, отступая на шаг. – А-а... как вы здесь оказались?!

– О-хо-хо, – вздохнул Иван Карлович и поднялся с дивана, – мать моя София, какой непонятливый.

А потом вдруг наставил на Безакцизного тлеющий конец сигары и, тыча им, будто обличительным перстом, тому в грудь, произнес с некоторым раздражением:

– Дьявола, дьявола ты вызвал! Что ж тут непонятного?

– Какого... дьявола? Какого еще дьявола? – только и мог повторять адвокат, пятясь под выпадами раскаленной сигары, пока не уперся в книжный стеллаж. – КАКОГО ДЬЯВОЛА!!

– Позвольте отрекомендоваться, – поклонился г-н Тойфель с официозным видом. – Барон Мальфас, к вашим услугам. – И добавил, по-военному щелкнув каблуками: – Второй чин третьего легиона.

– Почетного? Почетного легиона?

– Ангелов бездны. Ну ты Данте читал? Вон же он у тебя на полочке стоит, между «Исследованием скопческой ереси» В.И. Даля и «Разысканием об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их» того же автора.

– Ч-читал, – в полной растерянности пробормотал Семен Маркович севшим голосом, – правда, только «Ад». Кажется, еще «Чистилище»... а «Рай» не одолел... не одолел... не одолел... Гос-споди, при чем тут Данте?!

– Фуй, фуй! – по-кошачьи зафыркал назвавшийся бароном Мальфасом г-н Тойфель. – Один из них точно ни при чем. Точнее, ни к чему... М-да, народец нынче пошел сплошь малограмотный. Какой там Дионисий Ареопагит – Данте Алигьери не знают. Ладно уж, объясняю, так и быть, – гость вздохнул с видом столичного политтехнолога, вынужденного читать лекцию коллективу животноводческого хозяйства: – Все ангельские чины, чтоб ты знал, делятся на три триады, или лика. К высшему лику относятся серафимы, херувимы и престолы. Средний составляют господства, силы, власти. Наконец, завершают иерархию – начала, архангелы и ангелы. А поскольку мы, дьяволы, суть падшие ангелы (про это-то ты, хоть, слыхал?), у нас почти все то же самое. Только заместо ликов – легионы. Считай, три легиона по три чина в каждом. Совершенно понятно. Ну, к примеру, мой чин соответствует архангельскому. Ферштейн?

– Э-э... мм, гм, вы хотите сказать, что вы... э-э, в самом деле дьявол? – выдавил из себя Семен Маркович и, не сдержавшись, истерически захихикал в кулак.

– Вот именно. Не тот, с большой буквы, но и не из рядовых, – заметив, что Безакцизный по-прежнему продолжает хихикать, Тойфель-Мальфас растянул бескровные губы в ответной ухмылке: – Что, не веришь на слово? Доказательства требуются? Ох, адвокатская душа! Что ж, изволь. Сейчас ты узришь мое истинное обличие, – торжественно заявил он и добавил: – Соберись...

– Фу-у! – с чувством произнес Мальфас-Тойфель через минуту, отступая подальше от лужи блевотины. – Посмотри, что ты натворил, едва не уделал меня. Мог бы потерпеть из вежливости. Просил же – соберись... И утри лицо – смотреть противно.

– Г-господин... э-э... барон, – выдавил из себя через некоторое время Семен Маркович, – могу я узнать, чему, так сказать, обязан вашим... э-э... визитом?

– Опять двадцать пять! Ты же сам меня вызвал.

– Да? Вот как... Но, позвольте, каким образом? Буквально, то есть ни сном ни духом...

– Ты исполнил условия ритуала, – пожал плечами дьявол.

– Какие условия?

– В шестом часу шестого числа шестого месяца на протяжении одиннадцати минут шестикратно помянуть мое имя, вот какие.

– Ах так! – почти радостно воскликнул Безакцизный. – Так уверяю вас, господин барон, это вышло совершенно случайно. То есть абсолютно! Ни сном, как говорится, ни духом.

– Какое мне дело? – вновь пожал плечами черт. – Случайно, не случайно... Он, понимаешь, ни ухом, ни брюхом, а мне – мотайся. Концы, между прочим, не близкие, – Мальфас даже плюнул в сердцах. – Короче, раз случайно, тогда я удаляюсь. Позвольте откланяться, ауфвидэрзэен, майн фройнд.

С этими словами барон Мальфас аккуратно

положил сигару на край пепельницы и направился к входной двери.

– Ой! – удивленно воскликнул Семен Маркович. – Иван Карлович, у вас пиджак сзади разрезан. И на шляпе пятно.

– Твой Иван Карлович три дня как помер, – не оборачиваясь, раздраженно бросил гость.

– Вот че-ерт! прошу прощения... Но как так, однако, умер?

– А так. Взял себе да и помер, тебя не спросил. Шесть пулевых ранений грудной клетки и два – брюшной полости, да еще контрольный – в голову; полкумпола снесло напрочь. Что ему еще оставалось?

– Я не совсем понимаю, – смутился Безакцизный, – но вот же... но как же... однако...

– Это ты про тело? – уточнил лже-Тойфель и неприятно хихикнул. – Его я временно позаимствовал, на правах старого знакомца, хе-хе! Нам, чертям, в жмурика вселиться легче всего.

– О! О! То-то я чувствую, попахивает от вас... специфически.

– Ладно, мне пора, а то в морге хватятся.

– Один момент, постойте, погодите! – вдруг всполошился Семен Маркович. – Разрешите полюбопытствовать... а-а... что вы ожидали от своего, так сказать, визита? В смысле, для каких надобностей вас, э-э... вызывают обыкновенно? Ну, которые остальные прочие.

– Да все всегда одно и то же, – отмахнулся черт. – Власти, денег хотят, здоровья, мужской силы, женщин, вечной жизни... да мало ли у вашего брата желаний? И не сосчитать.

– Вечной жизни? – неожиданно заинтересовался Безакцизный. – И вы это можете?

– В прейскуранте не значится, – усмехнулся Мальфас, и мертвые глаза его тускло замерцали, точно уголья в остывающей печи.

– Жалость какая! – сокрушенно воскликнул Семен Маркович. – Но почему же, почему?

– Потому, что это обесценило бы встречные обязательства клиента, – пояснил барон и вдруг подмигнул Безакцизному. – А тебя, вижу, зацепило? Будем заключать договор?

– Договор – это, в смысле, я вам душу, а вы мне что-нибудь существенное, согласно прейскуранту?

– Ну вот видишь – ты и сам все знаешь. Так как, ударим по рукам?

– Скажите, – замялся Семен Маркович, – вечная жизнь под запретом – это я понял, но могу ли я, к примеру, оговорить для себя долгую, очень долгую жизнь?

– Насколько долгую? – прищурился черт. – Конкретику давай: срок, дата, возраст. Ты ж юрист, должен понимать.

– Ну-у... э-э... м-м-м... – засомневался адвокат, – а до завтра подумать можно?

– Морген, морген, нур нихьт хойтэ? Не можно! Говори сейчас. Или никогда.

– Сколько тогда попросить? Как же быть? – потерянно забормотал Семен Маркович.

– А про свою бессмертную душу ты уже все решил? – уточнил Мальфас с нехорошей ухмылкой. – Уступаешь?

– Душа? Да, да, конечно, душа... Душа – товар не пустячный; вот я и боюсь продешевить. Между прочим, – оживился адвокат, – раз предмет договора – душа, а душа, как вы только сейчас недвусмысленно заметили, вещь бессмертная, то логично было бы получить взамен этого предмета нечто равноценное, например – вечную жизнь. Вот это было бы справедливой сделкой. Что? Нет? Понял, понял – вечность просить нельзя... а сколько можно? Какова, так сказать, верхняя планка, где граница дозволенного?

– Не скажу, – отрезал черт. – Называй свою цену, а мы посмотрим. Но я тебе другое скажу: если ты сейчас снова чего-нибудь неосмысленное попросишь, я разворачиваюсь и ухожу. В конце концов, вызов твой можно считать ошибочным.

– Понял, понял, – продолжал лихорадочно

бормотать Безакцизный, – но тогда сколько же, сколько просить? Много – пожалуй, не дадут, а мало – смысла нет... Вот не было печали, так черти... ой, простите!

– Ну-у! – теряя терпение, взревел дьявол.

Однако Семен Маркович продолжал затрудняться; он хмыкал, мемекал и шарил взглядом по книжным полкам, словно надеясь отыскать там подсказку. Вдруг взгляд его остановился и посветлел.

– Эврика! – воскликнул он и выхватил из ряда книг увесистый том. – Я придумал, придумал!

– Ну, слава тебе... – вздохнул Мальфас и поперхнулся, – тьфу, едва в грех не ввел, окаянный! Говори уже, не мешкай.

– Хочу прожить столько лет, сколько лет этой вот книге, – на едином дыхании выпалил Семен Маркович, потрясая фолиантом.

– Позволь-ка, – хмыкнул барон, забирая книгу из рук Безакцизного, - так-так... «Сочинения М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина)», том седьмой, издание автора, С.-Петербург, типография М.М. Стасюлевича, 1889 год. Что ж, замечательное издание: полукожаный переплет с бинтами, тиснение золотом, коленкоровая крышка... гм, гм, отличное качество печати, на веленевой бумаге... сохранность просто исключительная, идеальная. Ну-с, давай прикинем: сейчас у нас 2019-й на дворе, верно? Значит, книжке твоей 130 лет... гм, чуть поменьше, но пускай – округлим в твою пользу, я добрый. Что тебе сказать? Книга достойная, хотя уникальным это издание не назовешь. Но в целом, повторяю, выбор достойный. Однако и срок жизни, тобой истребованный, тоже. Хотя... Меня вот что смущает: я смотрю, в твоей библиотеке есть и другие антикварные издания.

– У меня все издания антикварные, – возмутился Семен Маркович.

– Я и говорю, – согласился дьявол, – сплошь кожа да сафьян. Собрание у тебя важное. Но отчего тогда ты выбрал именно Салтыкова? Вон, у тебя сочинения Пушкина в пяти томах, кажется, более раннего года издания... ну-ка, поглядим... Так и есть: 1882 год, московское издательство Анского. О! А вот, к примеру, трехтомные сочинения Хмельницкого – издание Смирдина 1849 года, правда, изрядно потрепанное. Постой-ка, постой, а Даль которого года?.. Эге, «напечатана по приказанию г. Министра Внутренних Дел. 1844». Кстати, если тебе интересно, я некоторым образом способствовал появлению сей книги на свет. Приложил, хе-хе, руку. А потому мне не понаслышке известно, что набрана она была всего в десяти экземплярах. И наверняка сохранились из них далеко не все.

– До нас дошел единственный, – уточнил Безакцизный, – тот, который сейчас перед вами.

– Стоит, поди, немерено, – уважительно кивнул черт. – Отчего же выбор пал на Щедрина? Или ты мне, любезный, какой подвох готовишь? Не советую.

– Никакого подвоха! – с обидой в голосе воскликнул Семен Маркович. – Вы ж меня задергали совсем, вот я и схватил первую, что попала под руку. Наверное, сработала мышечная память.

– Мышечная память, говоришь? – с сомнением прищурился Мальфас.

– Именно. Я Салтыкова-Щедрина частенько перелистываю, нравится мне этот автор. А издание каково! Переплет хотя и владельческий, но старинный, не новодельный. Потом, там есть пара интересных экслибрисов и прелюбопытнейший инскрипт на форзаце...

– Прекращай свои библиофильские заклинания! Лучше ответь: поменять, скажем, на Хмельницкого не желаешь?

– Желаю, – с готовностью согласился Семен Маркович.

– Впрочем, раз выбрал, пускай так оно уже и остается. Тэ-эк-с, – потер руки дьявол, – значица, теперь подпишем мы с тобою договор – и все.

С этими словами барон ткнул рукой куда-то

влево, послышался звук, как если бы рвали тонкую материю, и неожиданно добрая половина его руки исчезла, точно растаяв в пространстве. Но уже через мгновение рука была на месте, а синюшные пальцы намертво сжимали пергаментный свиток. В комнате остро пахнуло сероводородом.

– У вас там всегда так пахнет? – обеспокоился Безакцизный.

– Не всегда. Только если ветер с Гехиномской пустыни. А когда со стороны Коцита дует – так и ничего, – пояснил Мальфас, вручая свиток. – Подписывай.

– Позвольте! Надо бы сначала ознакомиться с документом, хотя бы для порядка.

– Давай, – хмыкнул черт, – знакомься, протокольная душа.

Семен Маркович развернул пергамент и принялся читать вслух:

«I. Мы, всемогущий Люцифер, император Адских земель, король Тьмы, герцог всех окаянных, сегодня, в лице Нашего полномочного представителя барона Мальфаса, заключаем Договор о союзе с Семеном Марковичем Безакцизным, который теперь находится с Нами. И Мы обещаем ему любовь монахинь, цветы девственности, милость властителей, всемирные почести, удовольствия и богатства. Он будет вступать во внебрачные связи каждые два дня; увлечения будут приятны для него. Он будет приносить Нам раз в год дань, отмеченную его кровью; он будет попирать ногами реликвии церкви и молиться за Нас. Благодаря действию этого договора он проживет счастливо сто тридцать лет на земле среди людей и, наконец, придет к Нам, понося Господа.

II. Мой хозяин и господин Люцифер, в обмен на вышеупомянутые обещания я признаю Тебя как моего Господа и князя и обещаю служить и подчиняться Тебе в течение всей моей жизни. И я обещаю Тебе, что я буду совершать столько зла, сколько смогу, и что я приведу многих к совершению оного. Я отрекаюсь...».

– Бредятина какая-то! – не дочитав документа, воскликнул Безакцизный и швырнул свиток на диван. – Тут надо все переделать.

– Полегче, любезный, – нахмурился Мальфас.– Ишь, ушлый выискался! Десять веков все всех устраивало, а ему, вишь, – бредятина... Договор типовой, нельзя в нем ничего менять.

– Десять веков! – всплеснул руками Семен Маркович. – Да он лет двести уже как устарел. На кой мне, к примеру, любовь ваших монахинь? А что это еще за «цветы девственности»? Как прикажете понимать сей эвфемизм? Потом, я вовсе не хочу каждые два дня вступать во внебрачные связи. В моем-то возрасте! И вообще, с этим делом я как-нибудь сам... А на кой, простите, черт, вменять мне в обязанность «попирание ногами реликвий Церкви»?! Эдак я, пожалуй, всю выторгованную жизнь где-нибудь в психушке проведу, типа маркиза де Сада! Наконец, договор просто юридически некорректен и даже противоречит нормам гражданского законодательства. Где обязанности сторон, ответственность, форс-мажор?! Опять же, существенные условия: предмет договора, цена товара, порядок, сроки и размеры платежей – все как-то нечетко, размыто или отсутствует вообще. А существенные условия должны быть прописаны ясно и недвусмысленно – чтобы исключить возможность двойного толкования в последующем. Кроме того, ни слова не сказано про то, сохраняется ли за мной на весь срок действия договора молодость, или же я буду стариться в обычном порядке? Хорошенькое дело! Или вот тут, в самом начале, в преамбуле, отмечено, что вы – уполномоченное лицо Люцифера. А доверенность ваша где, м-м-м? В таком случае к договору непременно должна прилагаться доверенность!

– Ты что же, – рыкнул дьявол, – сомневаешься в моих полномочиях?

– Не в том дело, – отмахнулся Безакцизный, – однако доверенность приложить все одно следует. Дабы подтвердить, что подписант – уполномо-

ченное лицо; в противном случае договор могут счесть оспоримым. А оно нам надо?

– Ладно, будет тебе доверенность, – подумав, проворчал барон Мальфас. Видимо, юридическая риторика и доводы адвоката его все же впечатлили.

– Послушайте, г-н барон, – предложил Семен Маркович, поднимая пергамент с дивана, – давайте поступим так: я сейчас сяду и прямо здесь, на месте, подготовлю новый договорчик. Уверяю, много времени это не займет. Минут пятнадцать-двадцать от силы. Зато уж он будет полностью соответствовать и нормам права, и обычаям делового оборота.

Барон Мальфас с минуту пристально разглядывал Безакцизного, а потом махнул рукой.

– Время пошло.

Адвокат метнулся в другую комнату, притащил ноутбук и, плюхнувшись в кресло, картинно встряхнул кистями, словно пианист перед выступлением. Затем принялся стрекотать по клавиатуре столь стремительно, что, правда, не прошло и получаса, как новый вариант договора был готов и распечатан в двух экземплярах.

– Вот, – заявил Семен Маркович, протягивая листы барону, – такое соглашение я готов подписать хоть сейчас.

Дьявол взял один экземпляр и принялся с сомнением просматривать.

– Тэк-с, тык-с, тык-с, «в дальнейшем именуемый «Покупатель»... – сосредоточенно бубнил он себе под нос, –... тэк-с... «далее по тексту «Продавец»... тэк-с, тэк-с... «совместно именуемые – «стороны»... тэ-эк-с, «предмет договора: Продавец обязуется... бессмертную душу, далее именуемую «товар»... Покупатель, в свою очередь, гарантирует...»; что ж, годится. Тэк-с... «Ограничения и обременения»... «Права сторон»... Ну это понятно... тут тоже... ладно, пускай... гм, впрочем, пускай его... тык-с, тык-с... ага, вот: «Обязанности сторон». Читаем... тэк-с, тэк-с, тэк-с... Ну что же, – резюмировал он, наконец, – несколько для меня непривычно, по-новомодному, но, полагаю, можно подписать и в таком виде. Вот только согласую с руководством.

– А это долго?

– Черт его знает, – ответил черт и провалился сквозь паркет.

На сей раз ждать пришлось действительно немного дольше, а может, Семену Марковичу это только так показалось; он нервно расхаживал по квартире, когда раздался звонок в дверь.

– Кого еще черт принес, – проворчал адвокат, – так не вовремя.

На пороге стоял барон Мальфас.

– Измаялся, небось? – спросил он и подмигнул мутным покойницким глазом.

– Оперативно вы, – признал Семен Маркович.

– Начальство требует, приходится рвать когти, – ухмыльнулся барон и протянул Безакцизному экземпляр договора; в левом нижнем углу виднелся явственный отпечаток раздвоенного копыта, а рядом, в скобочках, значилось: «Велиал II Безъяремный».

– Это... э-э, пятно, так понимаю, означает, что договор согласован? – уточнил Семен Маркович.

– Правильно понимаешь. Ну-с, а вот и доверенность. Садимся, подписываем?

– Сейчас. У меня как раз есть ручка со специальными несмываемыми чернилами, берегу для особо важных документов, – засуетился Безакцизный.

– Семен Маркович! – иронически протянул черт.

– Ах, ну да, конечно, разумеется, – догадался Семен Маркович и смущенно добавил: – Я крови боюсь.

– Здрасьте! – еще больше развеселился бес. – Как из клиентов ее литрами пить, он не боится, а тут – нате, перетрусил. Давай сюда руку! Левую, не правую. Вот так.

Когда все было кончено, барон сунул свой экземпляр договора в карман и молча направился к

выходу. Уже за дверью он обернулся и, пристально глядя Безакцизному в глаза, хрипло пробасил:

– Айл би бэк.

Через восемьдесят девять лет, когда Председателю межпланетной гильдии адвокатов и видному общественному деятелю Семену Марковичу Безакцизному стукнуло сто тридцать, к воротам его загородного замка припарковался аэрокатафалк фирмы «Харончик и сыновья»; из катафалка вышел незнакомый Председателю покойник и приветственно помахал камере наблюдения.

– Не ждал, старый греховодник? – злокозненно поинтересовался усопший, представ перед Семеном Марковичем.

– Как можно, васьсиясь, разумеется, ждал, – отвечал Безакцизный. – Уже и сигарку припас – «Кабаньяс», как вы любите.

– Очень мило, – усмехнулся барон Мальфас. Из-за того, что лицевые мышцы слушались его плохо, улыбка вышла чуть натянутой. – Но не будем тратить времени, ты и так им от души попользовался. – Дьявол окинул взглядом роскошные апартаменты. – Ишь, прямо Валтасаров дворец. А ты нисколько не изменился, даже помолодел, курилка, – добавил он, хлопая адвоката по плечу.

– Так предусмотрено соглашением. Что ж, пройдемте в библиотеку?

– Зачем это? – удивился черт.

– Ну как же – сверимся с условиями договора, вдруг какая накладка. Или коллизия.

– Какая, к дьяволу, коллизия? – нахмурил брови барон. – Наша сторона свои обязательства выполнила, теперь черед за тобой – пробил час платить по счетам – упала стрелка, сделано, свершилось. И не вздумай увиливать, даже не пытайся!

– Мне все же кажется, что вы несколько торопите ход событий. И превратно толкуете условия нашего договора. Впрочем, пойдемте в библиотеку, там все и проясним.

Дьявол мрачно хмыкнул, но пошел следом за адвокатом.

– Ну, где договор? – с раздражением спросил Мальфас. – Смотри, если там какие подчистки, так второй экземпляр у меня – сверим.

– Как же вы плохо обо мне думаете, – поразился Семен Маркович. – Подчистки, фи! А договор вот он. Так, читаем... бла-бла-бла... ага, вот: «...Покупатель обязан предоставить Продавцу земную жизнь общим сроком (считая с рождения и до дня смерти), равным возрасту седьмого тома сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина), изданного в г. С.-Петербурге в типографии М.М. Стасюлевича в 1889 году, каковая книга является неотъемлемым Приложением к настоящему Договору и подлежит дальнейшему хранению у Продавца».

– Ну? И что дальше? – нетерпеливо бросил барон.

Вместо ответа Семен Маркович подошел к книжным стеллажам и, отключив защитное поле, бережно взял в руки знакомый том в полукожаном переплете с бинтами.

– Вот она, родимая моя, – любовно проворковал он, протягивая книгу Мальфасу, – двести девятнадцать лет, а она все как новая.

Дьявол раздраженно выхватил у него из рук фолиант.

– В чем подвох? – спросил он через минуту, тщательно оглядев и даже обнюхав книгу.

– Никакого подвоха, помилуйте! – обиженно округлил глаза адвокат. – Просто мы же с вами уговорились, что проживу я столько же, сколько лет этой книге. А сколько ей лет? Правильно, двести девятнадцать. Мне же сегодня всего сто тридцать исполнилось. Вот и выходит, что поторопились вы со своим визитом!

– Постой-ка, постой, – озадаченно произнес черт, – что ж это получается? Это значит, что когда тебе стукнет двести девятнадцать лет, книга состарится вместе с тобой и тем самым срок твоей смерти снова отодвинется на очередные восемьдесят девять лет? Ты что же, собрался жить вечно?!

– Не совсем так, – хихикнул адвокат, – ведь

когда-нибудь книга рассыплется в прах. Надеюсь только, произойдет это не скоро – я за ней тщательно ухаживаю: берегу от пыли, регулярно проветриваю, корешок смазываю пчелиным воском и ланолином. Так что вы давеча правы были: мой выбор пал на эту книгу не случайно, просто она из всего моего собрания находилась в самом идеальном состоянии, да и качество материалов, из которых она изготовлена...

– Шалишь, брат! – перебил его черт. – Я, между прочим, в пекле не блины пек – было время, чтобы поизучать ваши законы, знал ведь, с кем имею дело. Так вот, согласно части третьей статьи сто пятьдесят девятой Гражданского кодекса, что действовал на момент заключения нами сделки, устные договоренности сторон также имеют силу.

– Ну и что? – пожал плечами Безакцизный. – Мы и в устной форме оговорили ровно то, что записали потом в договоре.

– Э нет, – заупрямился Мальфас, – я помню прекрасно: изначально речь шла именно о ста тридцати годах.

– Неправда! Я юрист и словами не бросаюсь.

– А вот мы это сейчас проверим, – заявил дьявол и принялся выводить руками замысловатые пассы. Через мгновение посреди библиотеки сформировались две полупрозрачные фигуры – давно убиенного псевдо-Тойфеля и адвоката Безакцизного. «Хочу прожить столько лет, сколько лет этой вот книге», – глухим, словно дальнее эхо, голосом произнес призрачный двойник Семена Марковича.

– Видите, видите! – с ликованием воскликнул последний. – Конкретной цифры я не называл. И слов о том, что речь идет о возрасте книги на момент заключения сделки, тоже не прозвучало.

– Но ты не утверждал и обратного.

– Правильно. Эту мою фразу можно толковать двояко, поэтому следует обратиться к письменному документу – договору...

– Но в нем тоже нет никаких цифр! – прорычал Мальфас.

– В соответствии со статьей четыреста тридцать первой Гражданского кодекса во внимание должно принимать буквальное значение содержащихся в договоре слов и выражений. А буквальное истолкование – мое!

Барон Мальфас некоторое время молча смотрел на Безакцизного, а потом увещевательно произнес:

– Ну ты что, и вправду настроился на вечную жизнь? Подумай хорошенько, про Вечного Жида вспомни. Ведь вечная, нескончаемая жизнь – это проклятие; ты же взвоешь от скуки. Предлагаю компромиссное решение...

– Бросьте! – в свою очередь перебил его адвокат. – Бросьте, господин барон. Проклятие и скука – это для бездельников да глупцов, для тех, которые и в отмеренный-то им срок скучают да маются. Работать надо, дело делать, оно тогда и не скучно вовсе. В конце концов, мир, вселенная – бесконечны; чем не безграничный полигон для вечного познания? Вот я, к примеру, за свои сто тридцать лет совсем не пресытился... Э, да вы, ваше сиятельство, вижу, расстроились. Что, попадет вам от руководства? Кто ваш непосредственный-то начальник? Князь Ада Велиал Безъяремный? Он, если не ошибаюсь, из херувимов будет, то бишь второй чин первого легиона аггелов бездны? Хе-хе, как видите, пока вы штудировали право, я в основы демонологии вникал, тоже не терял времени-то...

– С чертом шутки шутить вздумал?! – рявкнул дьявол, тряся указательным пальцем перед самым адвокатским носом. Вдруг кончик его пальца покраснел, раскалившись точно кузнечный оковалок, и он с силой ткнул им в драгоценный том. Раздалось шипение, остро пахнуло серой, и книга – вся и разом – полыхнула синим адским пламенем.

– Библиотеку мне не пожги, нехристь! – всполошился Семен Маркович.

– Я черт, а не Геббельс.

Через пару секунд от седьмого тома сочинений

Салтыкова-Щедрина осталась лишь горстка серого пепла. Черт дунул на нее – и та рассеялась по комнате невесомым облачком.

– Ну что?! – торжествующе воскликнул он. – Понял теперь, как с Нечистым тягаться, бумажная душа? Так и быть – дополнительные восемьдесят девять лет сверху ты себе отыграл, черт с тобою – я добрый. Зато, когда я заявлюсь к тебе в следующий раз, книги – твоей спасительницы у тебя уже не будет. Что предъявишь ты мне тогда? И вот тогда – тогда тебе придется отправиться со мной – в самое Пекло, ох, и там-то мы – ла-ла-ла! повеселимся от души, от души!

С этими словами дьявол, видимо не в силах сдержать эмоции, закружил по библиотеке, приплясывая и мурлыча себе под нос на мотив «Сатана там правит бал»: «Ла-ла-ла-ла! Ла! Ла-ла!»

Все это время Семен Маркович внимательно, с легким сочувствием, наблюдал за бароном, а потом, откашлявшись, произнес:

– В принципе, я мог бы и не информировать вас сейчас, но ваши визиты всякий раз сопряжены с появлением трупов, а я их, извините, с трудом перевариваю.

– О чем это ты? – спросил черт, прерывая победную пляску.

– По ходу нашего прошлого разговора вы сами отметили, что выбранное мной издание не является уникальным. Мне и впрямь не составило особого труда отыскать и приобрести другой экземпляр этой самой книги. Так что том, которому вы сейчас устроили столь эффектное аутодафе, – дубликат.

– Врешь! – взревел дьявол; когда бы в теле, в котором он сейчас пребывал, оставалась хоть капля крови, он наверняка побагровел бы от злости, а так лицо его только еще сильнее налилось трупной синевой, местами даже позеленев. – Где тогда оригинал?! Изволь предъявить!

– Оригинал сохраняется в банковском сейфе, запаянный в платиновую капсулу.

– Адрес банка! Живо! Я должен удостовериться!

– Разумеется, – согласился адвокат, с готовностью называя Мальфасу адрес, – только прошу вас, держите себя в руках, не надо больше актов вандализма, имейте в виду...

Но дьявол, не обращая на Безакцизного внимания, как давеча сунул левую руку по самое плечо куда-то в иное пространство и принялся лихорадочно там шарить. Неожиданно он пронзительно взвизгнул и поспешно, изрыгая хулу и проклятия, выдернул руку. Семен Маркович с удовлетворением отметил, что материализовавшаяся конечность изрядно обуглилась и аж дымится.

– ...имейте в виду, – закончил он, – что капсула с книгой помещена в сосуд со святой водой.

– Чертов, чертов адвокат!!! – завопил барон, тряся искалеченной рукой. – Хитрожопая бестия!! Твое место в аду! У тебя же Пятый Росщеп Злых Щелей на лбу отпечатан! Чтоб тебя черт побрал! Ну погоди – ужо я тебе!..

Так и не конкретизировав до конца своей угрозы, дьявол в дыму и пламени провалился сквозь пол, вероятно, на ковер к руководству. И более уже никогда Семена Марковича Безакцизного не тревожил.

Потому что недаром говорят: хороший адвокат и черта закружит. ■